

Одиссея капитана Влада

Повесть-пунктир

Афгано-таджикская граница. 2000 г.

Может, об этом глупо думать, но вспомнилась «Рюмочная» на Бармалеевой улице в Ленинграде, в двух шагах от Большого проспекта. Водку там наливали действительно в пятидесятиграммовые рюмки, а не в стаканы. И к каждой рюмке полагалась закуска. Обычно — ломтик хлеба с селедкой и лучком кольцами. Но как это было давно!

Я посмотрел на серое небо сквозь сухие стебли камыша, потом прямо перед собой на мутную воду Пянджа. Воды сколько угодно, но лучше не пить — зараза.

Меня гнали, как зверя, а я, как зверь, путал следы и прятался, пока не выполз к самой реке. До противоположного берега метров двести, но они кажутся непреодолимыми.

Далеко сзади раздался короткий кашель автоматной очереди. Стреляют, конечно, наугад, но если начнут прочесывать берег, придется туго.

Я хотел и одновременно боялся, что преследователи выйдут прямо на меня. Возможно, лучше дожидаться темноты. Но и тогда неизвестно, удастся ли невредимым достичь противоположного берега. Это все же граница. Ночью вряд ли кто будет разбираться — свои плывут или чужие. Всадят сгоряча пулю, объявят, что диверсант. А вот если меня сейчас начнут со стороны Афгана прижимать огнем, то пограницы поймут, что к ним прорывается кто-то из своих, и прикроют, пока я буду барахтаться в реке.

Все тело болело от усталости. Двое суток прошли на ногах, я не просто шел, а бежал, когда же убедился, что за мной снарядили погоню, то бежал, прячась, выбирая самый неудобный и поэтому наиболее безопасный путь. К тому же сказалось долгое сидение в зиндане — тело растренировано, мышцы скованы.

Одиночные выстрелы раздались ближе. Видно, почуяли, гады, где прячусь. Теперь идут по камышу, не торопясь, да и опасаются засады. Это правильно. Я подтянул поближе «калаш», который до этого держал в руках, а потом положил на сухие стебли. Еще и гранаты имеются.

А-а, была не была!

Камыш предательски зашуршал, под ногами зачавкала тина. Течение за камышами хотя и несильное, но снесет, пожалуй, прямо к повороту.

И тут же то ли прицельная, то ли шальная пуля ударила справа чуть выше ключицы и отбросила вбок. В первое мгновение я не почувствовал боли, но тут же перед глазами все поплыло и мир растворился в серой мути.

Афганистан. 1986 г.

Свежему человеку здесь трудно сразу разобраться, где проходит линия фронта. По заверению высокого начальства и прессы, и войны настоящей здесь нет. Хотя все знают — это война.

Когда эта заварушка еще только начиналась, я учился в Н-ском высшем командном. Многие ребята по окончании сразу рапорты написали, чтобы на войну. Ну а я получил распределение, как положено. Вперед не рвался, понимал, что умею пока маловато. У меня ведь какая специальность была — политчасть. По временам Отечественной войны — политрук значит. Меня в шутку знакомые ребята на гражданке иначе как поллитруком и не звали. Но на это я не обижался. Мне другое важно было: чтобы бойцы уважали, не смотрели

как на лишнее начальство, которое, вроде, и при деле, а в действительности дополнительная головная боль. Так что рапорт я подал, но другой. И попал в «учебку», в ВДВ. К тому же и время к этому располагало. Идеологическая машина начала давать сбои. Меня зачислили и благословили поддерживать интернациональный дух среди десантников. Два года спустя я оказался в Афганистане.

Здесь о моих прежних, полученных в политучилище навыках забыли быстро. Ощущалась нехватка в боевых командирах, и я стал ротным.

К концу моей двухгодичной командировки я уже был опытным бойцом. За недавнюю операцию меня представили к ордену Красного Знамени, светила очередная звездочка. Мотострелковый полк, которому была придана моя рота, стоял недалеко от Хоста. И в то утро мы собирались с ребятами смотаться в город на рынок.

— Влад! — окрикнул меня Павлик Гушин, когда я после завтрака шел в свою палатку. — А двухкассетники там есть?

Павлик служил в Афгане первый месяц, слышал о местных рынках много, там при желании можно купить хоть черта с рогами, были бы деньги. Кстати, меня все называют только Влад. Я еще в средней школе понял, что все Владиславы, Святославы, Вячеславы и прочие Славы, обречены на усредненное имя, которое мне не очень нравилось. Не хотелось быть и Владиком — не имя, а манная каша. И я настоял на имени Влад. Коротко и весомо.

— Там все есть, — ответил я. — Главное какую-нибудь туфту не купить. Всобачат за милую душу, так что советуйся.

В Союзе с бытовой техникой было туго. Поэтому многие просились в Афганистан не только за славой и скорым продвижением по службе, но и для того, чтобы прибарахлиться. Денег, правда, не всегда хватало, но тут уже каждый изворачивался, как мог. Везли с собой всякую дрянь для обмена, приторговывали солдатским шмутьем. Мне это не очень нравилось, сам я к модным вещам всегда был почти равнодушен. Ну купил пару фирменных джинсов, зачем же еще, сразу все на себя не наденешь.

А Павлик прямо весь трясся от возбуждения. Он привез из Союза сотни две баксов и теперь немедленно хотел их потратить.

— Я тоже с вами поеду, — на самом деле ехать мне не хотелось, но не отпускать же желторотых одних. — Сейчас придет машина из штаба, вместе смотаемся.

— Заметано! — обрадовался Павлик и пошлепал по плацу, поднимая сапогами пыль.

Я посмотрел ему в спину, отметил, что он еще совсем мальчишка, хотя и старается выглядеть солиднее. Ну да солидность — дело наживное, она приходит вместе с опытом. А опыт здесь, если не окапываться в тылу, приходит быстро. Только некоторым не помогает и это.

Помню Шурика Вельского, задумчивого старшего лейтенанта, прибывшего по рапорту из Клайпеды. Мог бы сидеть там в своем гарнизоне безвылазно еще лет пять. Но попросился на передовую. Говорил: какой же я офицер, зачем учился, чтобы отсиживаться в глубинке, когда идет война. Его убили сразу, в первом же бою, а вернее и не бою вовсе, а просто при рядовой проверке вполне мирного до этого кишлака. Снайпер снял его, выделив из всего отряда как офицера. Больше не погиб никто. И снайпера не нашли. Попробуй докажи потом — мирный это житель или «дух».

Помню Борьку Синеглазого. У него была такая фамилия — Синеглазый. И глаза у него были под фамилию — синие-синие. Он очень мечтал получить орден. «Орденчик бы мне», — часто повторял он. Мы жили в одной палатке, и он с этим орденом прямо достал меня. Так что в один прекрасный вечер я заорал: «Пошел ты со своим орденом! На кой ляд он тебе сдался!». А он: «Как же с войны и без ордена? Что девчата скажут?». Не знаю, что сказали девчата, но орден он получил. Посмертно. Купил на рынке термос. А тот не греет, не холодит. Полез развинчивать. Тут и рвануло. Под донышком оказалась пластиковая взрывчатка. Меня в этот момент в палатке не было. А то бы... И Борьку отправили в родной Иркутск грузом «200».

Помню Валентина Николаевича Пастухова, спокойного, никогда не суетящегося капитана. О нем я слышал еще в «учебке». Он там преподавал когда-то, а потом поехал в Афган. Колонну бензовозов, которую он сопровождал, сожгли в ущелье. Спасся тогда один водитель-мальчишка. Уцелел чудом. Он только-только и служить-то начал. А Валентин Николаевич — опытный офицер, на счету которого было с десяток боевых операций, погиб. Сгорел, как свечка. Даже опознать его потом толком не смогли. Так и не знаем до сих пор, кого провожали в последний путь.

Помню...

Но что-то я уж очень сильно ударился в воспоминания. Мне же с ребятами на рынок ехать надо!

И день потек, как обычно.

Стоял апрель. Для этого времени года было очень сухо. Днем припекало по-летнему, ночью температура резко падала. Наш полк не трогали уже почти месяц. Хотя в любую минуту мог прийти приказ выступать, по всему было видно, что сидеть нам еще здесь придется по крайней мере столько же. Меня это вполне устраивало, крови я не жаждал, да и молодых солдат было жалко. Все свободное время у меня уходило на их обучение. Слава богу, и сержант у меня был — зверь. Здоровый такой хохол Загорулько с кулаками размером с местные дыни. Его даже «деды» боялись до судорог. Для поддержания дисциплины — человек незаменимый. Моя рота десантников среди мотострелков смотрелся очень хорошо. Нам в основном и поручали операции по разведке или сопровождение особо важных грузов. Но в тот апрель почти две трети хорошо обученных и обстрелянных бойцов заменили. Прибыл молодняк. Ребята попадались разные. То, что некоторые успешно разбивали о голову кирпичи, ни о чем не говорило. В бою главное не это.

Пока стрелки резались в волейбол, Загорулько вывел наших орлов на очередную пробежку. Потом предстояло в который раз отрабатывать короткий бой и длительную оборону — с перебежками, падениями на острые камни, раздирающие локти до крови, прикрытием окапывающихся. Я знал, что бойцы проклинают меня за эту постоянную муштру, даже кличку дали Унтер. Ну и пусть. Потом поймут, когда дойдет до настоящего дела, что был прав. Поймут, когда останутся живыми.

Не только бойцы, но и большинство офицеров считали, что я перегибаю палку. Ребятам, мол, отдых нужен. А на мой взгляд, им нужно было добрать то, чего не дала им «учебка», и по возможности целыми вернуться домой. Ведь большинство из вновь прибывших до этого и из автомата-то стреляли пять-шесть раз, не больше.

Послышался рев вертолетных турбин, и я невольно задрал голову. Совсем низко над лагерем прошла двойка «бортов» и унеслась в сторону гор. То ли там идет бой и «борта» вызвали для подкрепления, то ли ушли на свободную охоту. Сейчас пойдут вдоль ущелья, выискивая одиночные цели или скопление духов. Тогда можно будет услышать хлопки «нурсов» или злой кашель крупнокалиберных пулеметов. Но пока тихо, горы стоят, расцвеченные солнцем в песочные, а в тени — темно-синие тона. Голые, чужие вершины, безжизненные на первый взгляд.

Как там поется в песне? Лучше гор могут быть только горы... Какие угодно, но только не эти. Сколько ребят полегло на этих склонах, вспоминать страшно.

До города ехали около часа. Я настоял на том, чтобы нас сопровождал бэтээр. Поэтому ползли медленно, глотая пыль из-под «брони», зато надежно. Вдоль дороги, а иногда прямо посередине зияли воронки от снарядов, мелькали остовы сгоревшей техники. Навстречу и по движению попадались бредущие бородатые мужчины, иногда вместе с женщинами, закутанными с головы до ног в темные одежды. Глазами лучше не встречаться: каждый взгляд — выстрел. Местные тащили мешки, наплечные сумки со своими скудными пожитками. Шли, мелко перебирая копытцами, серые ишаки — здешние горные вездеходы.

На душе было тревожно. Мне почему-то в этот день с утра было беспокойно, я перебирал в памяти все возможные с моей стороны упущения, но поводов для тревоги не